

УДК 81 '373. 225: 81 '282

ОБРАЗНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТЕОНИМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

В. П. Васильев, Е. В. Васильева

FIGURATIVE REALIZATIONS OF THE METEONYMIC CONCEPT IN DIALECTAL SPEECH

V. P. Vasilyev, E. V. Vasilyeva

В статье даётся описание и анализ образных реализаций метеонимического концепта, объективированного в диалектной речи различными изобразительными средствами; предлагается характеристика образных представлений метеоявления с точки зрения их принадлежности к диалектным и общерусским моделям образотворчества.

The article presents the description and analysis of figurative realizations of a metonymic concept, objectivized in dialectal speech by different tropes. The author characterizes the imaginary perceptions of the meteo phenomenon as belonging to the dialectal and general Russian models of image creation.

Ключевые слова: метеоним, концепт, образное представление, образные средства языка, речевая коммуникация, русские говоры Сибири и Дальнего Востока, традиционная лингвокультура.

Keywords: metonym, concept, imaginary perception, tropes, speech communication, the Far East and Siberia Russian dialects, traditional linguoculture.

В современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии утвердилось положение о том, что «формирование обязательных в познавательном отношении содержаний осуществляется в сознании носителей языка в направлении от глубинных доязыковых когнитивных структур к поверхностным языковым, от образов – к концептам» [1, с. 2]. В соответствии с этим языковая реконструкция концепта как целостного единства предполагает учёт двух форм кодирования информации – образной и пропозициональной, раскрытие их роли в формировании языковой картины мира и выявление менталитета её носителей.

В данной статье продолжается рассмотрение образных реализаций концепта *ДОЖДЬ*, характерных для речи диалектоносителей сибирского и дальневосточного культурного ареала [2]. Основной акцент при этом делается не на «элементарной поэтичности языка» в его оформленных элементах [3; 4, с. 43 – 46; 5], а на образах, созданных из «сочетаний слов, всё равно, образных или безобразных» [6, с. 20].

Речевая образность метеонима выступает непосредственным постижением сущности явления в наглядных образах. Она служит переводом в речь образов как доязыковых когнитивных структур.

Мышление образами (эйдосами, образными представлениями, эмпирическими образами), выливающееся в сравнение подходящих друг для друга объектов, в создание образной модели (ОМ) «то, что сопоставляется (субъект сопоставления)» – «то, с чем сопоставляется (объект сопоставления)», при речевом овнешнении эксплицируется в синтаксических конструкциях с разной степенью развёрнутости (ср. *питательный ... дождь ... барабанил в окно, молотил хорошо, прошёл грядой, сеял как мукой, лил как из ушата* и пр.).

Выведение образов в речь направлено «не столько на то, чтобы передать собеседнику характер образов, имеющихся в сознании говорящего..., сколько на то, чтобы усилить образы, сделать их более впечатляющими» [7, с. 21]. При речевом выражении образа, неизбежно связанном с его анализом, достигается более

отчётливое и более содержательное оформление чувственно воспринятой реалии. Кроме того, использованием при его объективации выразительных средств достигается образное обобщение. Следовательно, «в образном ... мышлении речь служит не для формирования образов, а для усиления, углубления их и придания им обобщающего свойства» [7, с. 28].

Речевые способы уподобления элементов, названные образными (концептуальными) моделями и включённые в парадигму образов [8, с. 358], при системном описании рассматриваются по их целостности, по субъекту сравнения или по отождествляемому объекту [9, с. 29, 108-109]. Путь интегрального осмысления ОМ предпринимается в рамках криптокласса, в котором его элементы организуются «фамильным» сходством [10]. Заострённое внимание на субъекте модели открывает возможность выявления спектра образных обозначений для понятий одной семантической группы [8; 9, с. 29, 108 – 109]. Объектная ориентация в исследовании модели ведёт к осознанию объёма образного лексико-семантического поля, направленного на выражение концептуальной сущности субъекта сравнения [11].

В данном исследовании реализуется установка на целостный подход к изучению ОМ как билатеральной единицы: план выражения маркируется номинацией объекта сравнения (ср. конкретная артефактоморфная модель «дождь-как-стена»); план содержания, определяемый формальными границами ОМ, сводится к реконструируемому «плювионимическому» образу субъекта сравнения (ср. 'о дожде в виде отвесно падающей сплошной массы воды'). Подобной линии развития исследования отвечают следующие задачи:

а) систематизировать обобщённые наглядно-чувственные образы, выясняя предметные сферы, объекты которых отождествляются с метеоявлением;

б) рассмотреть образные представления о дожде, объективируемые в речевой коммуникации диалектоносителей, в рамках общих, инвариантных образных моделей;

в) установить языковые средства, участвующие в речевой реализации образной информации о метеоявлении;

г) охарактеризовать речевые образы метеонима с точки зрения их соответствия диалектным и общерусским моделям образотворчества.

Многоликость образных представлений о дожде, активизируемая носителями языка в речи, определяется широтой аналогий метеоявления с разнородными предметами действительности, номинации которых относятся к различным категориальным сферам, таким как живое существо, растение, вещество, неживая природа, питание, сельское хозяйство, строительство, искусство, техника и т. д. Их роль в раскрытии образных характеристик метеоявления дождь 'атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды' символизируется анимоморфными («дождь-как-живое существо»), вещественными («дождь-как-пыль»), натурморфными («дождь-как-ручей») и артефактоморфными («дождь-как-стена») образными моделями. Специфика построения и систематизации в каждой из них обуславливается, с одной стороны, особенностями проявления образов в речи, а с другой – набором конкретизируемых объектов сравнения.

1. Анимоморфные образные модели дождя

Эти образы отражают укоренившуюся в языке традицию одухотворения дождя, поэтапно представляемого в виде живого существа, а затем животного и человека [12, с. 21].

Модель «**дождь-как-живое существо**» воспроизводится путём линейного соположения метеонима с лексико-семантической группой глаголов движения (*валить, идти, семенить, трусить / трусить*), послуживших основой для метафорического переноса на функциональное состояние метеоявления, типичное проявление которого в языковом выражении воспринимается человеком как движение сверху вниз. Приводимые далее глаголы функционального состояния, наделённые узуальными и окказиональными значениями, обладают семантической двуплановостью и тем самым живописуют конкретные, картинные и яркие качества явления: *идти* 'выделяться из атмосферы, падать на землю (об осадках)' < 'двигаться в пространстве в определённом направлении, ступая ногами, делая шаги (о человеке и животном)'. Ср. *Вот сейчас бы грибам. Уйма было бы. Дождж идёт, а тепла-то нет. Они любят тепло, грибы* (Кем. Яшк. Солом.). *Перед Иван Купало хорошие дожджы шли* (Кем. Юрг. Зел.);

валить 'двигаться (подниматься, лететь, падать и т. п.) сплошной массой, потоком (о снеге, дыме, дожде и т. п.)' < 'идти, двигаться толпой, массой (о людях, животных)'. Ср. *Вот там дождь идёт, валит прямо, а здесь один-два раза брыкнет – и долой* (Том. Крив. Ишт.);

семенить 'идти, падать быстро мелкими частыми каплями. О дожде' < 'двигаться, идти в каком-л. направлении быстро мелкими, частыми шагами, суетливо (обычно о незначительном или небольшом человеке или животном)'. Ср. *О-от он и семенит, и семенит, и семенит. А те-то лишиного дожджа тоже никуда не надо* (Кем. Яшк. Солом.);

трусить / трусить 'идти, падать мелкими частыми каплями. О дожде' < 'бежать мелкой рысью (о лошади и др. животных)'; 2. // 'идти, бежать мелким, частым шагом (о человеке)'. Ср. *Ить сёдни как дождж трусил, сильный, как припустит, как припустит* (Том. Зыр. Черд.). *Бывает другой раз [дождь], так трусит как туман. Но он не вредный такой-то* (Кем. Юрг. Ал.).

В высказываниях диалектоносителей дождь отличается также дискретными зооморфными образами. Он моделируется по подобию с копытными животными и дикими зверями: *Вот там дождь идёт, валит прямо, а здесь один-два раза брыкнет – и долой* (Том. Крив. Ишт.). *И в сентябре люты дожджы пойдут. Коды не надо-то, идут* (Кем. Юрг. Асан.). В связи с увязкой семантики глагольного слова *брыкнуть* 'стукнуть, ударить ногой или задними ногами вместе; лягнуть (о лошади, корове, олене и т. п.)' с метеорологической мифологией возникает предположение о доминировании при нём субъектной номинации, обозначающей облачных дойных коров, молоко которых «проливается в виде плодоносного дождя» [14, с. 162; 15, с. 159]. Этому не противоречит «плювионимичное» метафорическое значение 'внезапно быстро пройти, выпасть (о сильном дожде)' рассматриваемого предиката, дающего возможность сохранить в сознании наглядный образ выпадения стремительно льющегося дождя.

Образ стремительно и обильно льющегося дождя сопрягается также с моделью «**дождь-как-дикий зверь**», материализованной в адективной сочетаемости метеонима, в которой метафорическое прилагательное *лю-тый* сохраняет свою семантическую двуплановость 'очень сильный по степени проявления' (мороз, ветер, вьюга, дождь) < 'свирепый, кровожадный (о животных: звере, псе и – др.-рус. *лютии* 'лев'; *лютый звѣрь* 'хищный зверь')', повторённую также в его синонимии *свирепый* 'чрезвычайно сильный в своём проявлении (о явлениях природы, стихиях)' < 'кровожадный, хищный, лютый' (о животных)'. Ср. *В понедельник был лютый дожд, больша ливень* (Том. Том. Верш.).

Изображение дождя в облике птицы иллюстрируется наличием при метеониме олицетворяющего предиката, обозначающего способность передвигаться, перемещаться по воздуху с помощью крыльев. Ср. *Хлеб возили, клади клали. В осень моя работа была на кладях. Клали, хыть и дождь летит, хыть и чё летит, мы на кладях кладём* (Кем. Прок. Кот.). Образная модель «**дождь-как-птица**», реализуясь также в речи носителей литературного языка, раскрывает метеоявление со стороны движения как его функционального состояния – 'идти, выпадать (о дожде, снеге)', осложнённого в иных случаях большой скоростью выпадения капель (*пролётывать* 'быстро проезжать, проноситься' // 'быстро проходить, выпадать (о дожде, снеге)' > 'летя, совершать путь мимо кого-, чего-л, куда-л. или где-л.' и - том. *летучка* 'о том, кто быстро передвигается', лит. устар., поэт. *пролётная* 'быстро пролетающая, проносящаяся, проходящая'... *гроза*). Ср. *Или идёшь и смотришь: то солнце светит и дождь реденький, такой крупненький летит* (Кем. Кем. Маз.).

В антропоморфной интерпретации дождя усматриваются его аналогии с разными ипостасями конкретных действий человека, что удостоверяется, например, такими глаголами, как: *сыпать*, *сорить* (перемещение объекта), *сеять* (помещение объекта), *брызгать* (покрытие объекта), *накупать*, *полоскать* (очищение... объекта), *пробивать* (повреждение объекта) и др. Видение дождя со стороны человека действующего обеспечивает образную квалификацию дождя как природного явления или как явления, воспринимаемого в прагматическом ракурсе.

Ряд образов 'о мелком частом дожде', 'о мелком дожде' сигнализируется координированными с метеонимом глагольными метафорами *сыпать* 'идти, падать (о мелком частом дожде, снеге)' < 'заставлять что-л. сухое и сыпучее струёй перемещаться (падать, лететь) сверху вниз во что-л.'; *сорить* 'идти, падать мелкими каплями (о дожде)' < 'бросать сор (= мелкие сухие отбросы) где-л.'; *сеять* 'идти, падать (о мелком дожде, снеге)' < 'разбрасывать семена (= зёрна 'мелкие плоды растений') на подготовленную для посева почву'; *брызгать* 'идти, падать (обычно о мелком дожде)' < 'покрывать водой, окроплять (обдавать что-л. брызгами, каплями), опрыскивать жидкостью'. Ср. *Дождь мелконький сыпет* (Г.Алт. У.-Кан. Син.). *Иш, каг бус, сыпет [дождь]*, *ровна скрость ситечка* (Ирк. Черемх.). *Сенозной – это раньше был. Идёт дождж не дождж, сорит так* (Кем. Юрг. Иск.). *Нонче хорошая трава. Лучшие намного. Дожджы вовремя сеют* (Кем. Яшк. Итк.). *Дожджа нету долго, а в уборошну мелкий сеет – говорят, ситник идёт, паря, сенозной идёт* (Хаб. Окт. Пуз.). *А я картошки таскаю, дожджык брыжжът, дош пашил* (Кем. Н.-Куз. Шор.).

Другая подборка наглядных образов, раскрываемых в предикатных синтагмах метафорическими значениями глаголов *накупать* 'вымочить, сделать совсем мокрым' < 'вдоволь, много покупать кого-л. (в воде)', *полоскать* 'сильно литься, хлестать (о жидкости, дожде)' < 'промывать, обмывать, погружая в воду, вода из стороны в сторону в воде', *пробивать* 'проникать, просачиваться сквозь чего-л.' < 'повреждать что-л. ударами какого-л. орудия, сделав отверстие, проём', включает в себя следующие образные представления о дожде – 'об обильном дожде, промачивающем одежду человека', 'о стремительно льющемся дожде', 'о дожде, разрыхляющем почву и увлажняющем её', 'о дожде, проникающем внутрь неплотно сложенного стога', в которых на ассоциативной основе в первую очередь акцентированного признака "вода" достраиваются другие признаки. Ср. *Дожджа не было долго. Говорят, ходили по полям, и смотришь: пойдёт дождж, накупат дождж* (Кем. Яшк. Полом.). *Дождж пойдёт, прольётся, а развернётся и опять пойдёт* полоскать (Кем. Пром. Тарас.). *Дошьть не расходитца. Лучь землю пръмачил*, сполошшыт (Красн. Енис. Плод.). *Опеть дождж заполоскал* (Том. Пар. Нов.). *Сухота-то была, а сейчас пробило землю-то. Дожди хлестали сильно* (Бурят. Каб. Бык.). *Хороший дождж, пробоистый такой, тихий. Ну маленький дожджык, мелкий, – говорит, – хороший, пробоистый такой, промачивает землю* (Кем. Яшк. Н. Тайм.). *Травой сырой или сеном вывершивают. Вывершить стог – значит выровнять его, чтобы его дождём не*

пробило (Амур. Скв. Алб.). *Если утужить [делать вершину стога, зарода] не мастер, дождём всё сено пробьёт* (Чит. Шел. Кав.).

II. Вещественные образные модели дождя

Явление дождя, отобразённое в речи в его отождествительной соотнесённости с пылью 'взвешенными в воздухе или осевшими на поверхности предметов мельчайшими твёрдыми частицами', воспринимается как вид дождя, мельчайшие капли которого <в силу недостаточной тяжести> медленно опускаются на землю. Ср. *Иной раз, как пыль, мелкий-мелкий дождж идёт* (Кем. Яшк. Колмог.). *Дош бусить, бытта пыль идёт* (Бурят. Тарб. Б.Кун.). Регулярная воспроизводимость подобного образа с помощью сравнительного оборота *как пыль*, характерная для общерусского речевого обихода, запечатлевается лишь в переносном словозначении *пыль* 'мельчайшие капельки воды, влаги' литературного языка. Ср. *Дождевая, водяная ... пыль...дождя, воды*. Закономерность аналогии, продемонстрированная моделью «**дождь-как-пыль**», подтверждается семантической историей метафорического сателлита *порошить* 'идти, падать мелкими частыми каплями; моросить (о дожде)', соотносимого с первичным значением 'сыпать, рассыпать, пылить, бусить' < диал. *порох* 'всякое сыпучее вещество, пыль, бус' < прасл. **porx* 'пыль'. Ср. *Порошит на улице дожджик* (Н-сиб. Маслян. Бочк.). *Уж затянетца кода, сено долго лежит, меленький порошит дожджык...* (Кем. Яшк. Полом.).

III. Натурморфные образные модели дождя

Эти модели конкретизируются категориями объектов из сферы «неживая природа», а именно: водным потоком, атмосферными осадками, оптическим явлением, номинации которых употребляются в виде сравнительных оборотов, компаративных наречий или входят в состав сравнительных придаточных. Ср. ... *а вот уливный – это дождь, ручьём льёт, ливняк* (Тыва. П.-Хем.). ...*ну о-о-о, пошёл сенозной. Моррок и тепло, и он так не дождж, а как роса падают и падают, и не сушит ничего* (Кем. Юрг. Митр.). *Когда дожджик пройдёт как туман, из земли как воспарение* (Кем. Крап. Бан.).

Гидроморфная модель «**дождь-как-естественный водный поток**» включает в себе осмысление дождя через призму категориального образа *ручей* 'водный источник, текущий быстрой струёй', что способствует закреплению за номинирующей его лексемой переносного значения 'о любой жидкости (слезах, крови, поте, дожде), обильно текущей, струящейся', которое осознаётся по соотнесённости с первичной семантикой как его смысловой вариант.

Метеоморфные модели («**дождь-как-туман**», «**дождь-как-роса**») формируются на основе внутри- и межтематического сопоставления их элементов. В конструкциях, отражающих рассмотрение дождя в проекции его сравнения с туманом (см. толкование: 'оптическое явление, нарушающее видимость, обусловленное скоплением в приземных слоях воздуха мелких водяных капелек или ледяных кристаллов'), воссоздаются вариативные образы разной психологической яркости, неодинаково поддерживаемые усло-

виями контекста. О мелком или очень мелком дожде свидетельствуют такие речевые произведения, как: *Дождж как туман, бусовой. Или говорят: "Бусит дождж"* (Кем. Яшк. Мох.), дополнительно содержащие оправдательные для этого образа слова *бусить* 'идти, падать мелкими или очень мелкими частыми каплями (о дожде)', *бусовой* 'являющийся бусом'. В других высказываниях диалектоносителей, имеющих в своём составе сравнительные прилагательные с сигнальным словом *садиться* 'оседающая, сгущаясь, опускаться к поверхности земли, воды (о тумане)', рисуется картина выпадения мельчайшего частого дождя. Ср. ...как туман *дождж* садится (Кем. Яшк. Солом.). *Осенью такой дождж бывает. Да моросит так*, как туман садится. *Осенним его называют* (Кем. Крап. Каб.).

Благодаря сравнению дождя с росой 'атмосферными осадками в виде (мелких) капель влаги, оседающих из влажного воздуха на растениях, почве, предметах при их охлаждении в вечерние или утренние часы' в наглядных образах – 'мелкий <продолжительный> дождь' и 'мелкий <продолжительный> дождь, <во время> сенокоса', – создаваемых в контекстах, подчёркивается его характеристический признак, связанный с размером водяных капель. Ср. *Дождь затяжной бывает мелкий*, как роса, *может идти полсутки и полмесяца* (Кем. Юрг. Кир.).

IV. Артефактоморфные образные модели дождя

Более подробно данные модели анализируются в другой работе [2]. Здесь внимание сосредоточивается дополнительно на двух моделях образной концептуализации: «**дождь-как-пронзающее или режущее орудие**» и «**дождь-как-пищевой продукт**».

Орудийный статус дождю приписывается на основе его сочетаемости с глаголами и прилагательными, в первичном значении относящимися к темам субъектного или объектного помещения и повреждения объекта – *врезать* 'глубоко, силой вонзить что-л. острое, режущее (лопату, косу)' < *резать* 'разделять на части, отделять от целого острым орудием (ножом,

лезвием и т. п.)' и – см. тул. *резака* 'нож'; *втыкаться* 'входить внутрь чего-л., куда-л. острым, тонким концом; вонзаться (о стреле, занозе, багре, шипе); *пронзительный* 'способный пронзить, проколоть, прорезать; острый' < *пронзить* (стрелой, штыком, пикой) / *пронзать* (стрелами, кинжалом, копьём) 'наносить сквозную рану, делать в чём-л. сквозное отверстие чем-л. остроконечным, колющим; прокалывать' < др.-рус. *нъзити* 'колоть, резать' < прасл. **ножь* < **нозь* < и.-е. **neg'h* 'удар', 'рана'. На роль прототипных субъектных или объектных актантов для данных глаголах претендуют, по всей вероятности, существительные, обозначающие ещё в праславянском языке холодное оружие: *нож, копьё, стрелу*. Это удостоверяется исторической последовательностью их появления и культурно-исторической приуроченностью обозначаемых ими объектов к атрибутам громовержца (слав. Перуна ~ балт. Перкунаса) [13, с. 306]. Ниспосланные на землю Перуном *стрелы, копыя дождя*, являясь обозначением мужского начала [14, с. 159, 360], самим фактом протыкания земли символизируют её оплодотворение. Миропонимание, пронизанное идеей плодородия, естественное для земледельческого общества, выражается в образах дождя ('о стремительно льющемся дожде', 'о дожде, глубоко увлажняющем почву', 'о дожде, проникающем в почву'), высвечиваемых метафорической семантикой синтагматических партнёров метеонима: *врезать* 'с силой, стремительно идти, лить', *пронзительный* 'хорошо увлажняющий', *втыкаться* 'проникать, просачиваться в почву'. Ср. *Вот заходит чёрна туча, только я успел зайти, пришёл, как врежет [дождж]. Добежал вот до селы, добежал и обратно. Значит, как ещё приурезал дождж* (Кем. Юрг. Ал.). *Дождж, который прошёл, его нет – это добрый дождж. Как косит из сита, меленький, пронзительный ...* (Кем. Яшк. Итк.). *Раньше бывали дожди в мае – июне. Как ливанут, всё пухнет, всё растёт. Бывает и с ветром, а бывает тихий. Это лучше. Он в землю втыкается, корнеплод к нему тянется, и всё растёт хорошо* (Кем. Крап. Сар.).

Названия образных моделей	Виды образных моделей	Представленность ОМ в формах национального русского языка	
		литературный язык	диалектный язык
Анимоморфные ОМ	«дождь-как-живое существо»	+	+
Зооморфные ОМ	«дождь-как-копытное животное»	+	+
	«дождь-как-дикий зверь»	–	+
	«дождь-как-птица»	+	+
Антропоморфные ОМ	«дождь-как-человек действующий»	+	+
Вещественные ОМ	«дождь-как-пыль»	+	+
Натурморфные ОМ	«дождь-как-естественный водный поток (ручей)»	–	+
	«дождь-как-туман»	–	+
	«дождь-как-роса»	–	+
Артефактоморфные ОМ	«дождь-как-пронзающее или режущее орудие»	+	+
	«дождь-как-пищевой продукт (мак)»	–	+

Трофоморфная (<греч. *trophē* 'питание') модель, или «**дождь-как-пищевой продукт**», раскрывается в

дискуссе путём актуализированной аналогии дождя с маком – 'пищевым продуктом, представляющим со-

бой высушенные [мелкие] семена..., обычно употребляемым для приготовления изделий из теста'. Ср. *Изморек, он маленький такой дождж идёт, он моросит так. Как дождж маленький идёт. Бусит маленько так, как мак всё равно* (Кем. Яшк. Солом.). Содержание текстового образа дождя укладывается в семантические границы гипонима *изморек* 'мелкий, мельчайший дождь'.

Воссоздание образного мира метеонима *дождь*, установленного на основе отождествления разнообразных предметных сфер с метеоявлением, осуществляется путём описания и анализа 11 конкретных образных моделей (см. таблицу), которые в большинстве своём носят общерусский характер [ср.: 8, с. 353 – 366]. Их своеобразие сводится к наличию и разработке натурморфных образных моделей, что определяется особой значимостью для повседневного бытия сельских жителей природного фона и глубиной его знания, а также моментами более жёсткого противопоставления своего и чужого миров (см. ОМ «дождь-как-дикий зверь»). Колорит образных представлений просматривается в более конкретных способах видения атмосферных явлений, в системе конкретных процессов и субстанций, используемых в качестве ценностно-смысловой призмы для физического и ментального освоения природного мира. Будучи включёнными в материальную деятельность человека и культурные практики деревни, они отягощаются особым шлейфом традиционного культурно-исторического опыта, нехарактерного для представителей элитарной урбанической культуры (см. лексемы *мак, полоскать, бус* 'мучная пыль' и др.).

Анализируемые образные модели в зависимости от уровня категориальной принадлежности слов, обозначающих объект сопоставления, отличаются разной экспликационной возможностью метеонимических образов: а) базовые слова категорий, как правило, синтагматически маркируют метеонимический образ одним признаком (ср. *дождь идёт*), который доращивается воспринимающим за счёт знания атмосферной реалии, б) суббазовые слова лексических категорий наделяют образ многопризнаковостью (ср. *дождь семени*).

Принципиальной чертой образных моделей метеонимической картины является то, что, с одной стороны, одно и то же образное содержание метеонима многообразно кодируется разными видами моделей. К

примеру, образ мелкого дождя передаётся натурморфными (*дождь был как туман*), артефактоморфными (*дождь... бусит так, как мак*) и антропоморфными (*дождь... сеял, сыпал, сорил*) моделями. Однако в большинстве случаев наблюдается пересечение образных впечатлений, что ставит их образные экспоненты в отношении коммуникативной дополнительности.

Особой информативностью обладает систематизация образных моделей в связи с воплощением в них бинарных оппозиций «небо – земля», «природное – социальное», «свой – чужой», «сакральное – профанное» и др., служащих древним средством усвоения мира. По первой оппозиции преобладают земные образные модели над небесными («дождь-как-птица», «дождь-как-роса», «дождь-как-туман»). По второй оппозиции перевес приходится на образные модели, кодирующие дождь в природно-естественном аспекте (8 ОМ против 3, к которым относятся «дождь-как-пронзающее или режущее орудие», «дождь-как-пищевой продукт (мак)», «дождь-как-человек действующий»). Согласно третьей оппозиции, полюс чужого бесспорно воплощает модель «дождь-как-дикий зверь». Вместе с тем, чтобы окончательно типологизировать этот материал, необходимо исчерпывающее и представительное во многих отношениях собрание образных моделей.

Инвентаризация образных представлений метеонимов, которые, реализуясь в речи, получают опору с помощью соположенных с ними метафор и олицетворений, сравнений (творительного сравнения, сравнительных оборотов, компаративных наречий) и эпитетов, позволяет воссоздать общую модель мировидения традиционного языкового коллектива и получить представление об особенностях его менталитета. Причём важность изучения ОМ возрастает в связи с актуальностью реконструкции мифологической картины мира и освещения той части мировоззрения, при котором «уже приобретало свои права земное и человеческое» [13, с. 291].

Литература

1. Берестнев, Г. И. В поисках семантических универсалий / Г. И. Берестнев. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.
2. Васильев, В. П. Метеоним *дождь* в образно-речевой системе диалектного языка / В. П. Васильев // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – Серия: История. Филология. – 2012 (в печати).
3. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992.
4. Симашко, Т. В. Эмпирический компонент в единицах денотативного класса / Т. В. Симашко // Динамика языка в синхронии и диахронии. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002.
5. Словарь образных слов и выражений народного говора. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001.
6. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972.
7. Савченко, А. Н. Речь и образное мышление / А. Н. Савченко // Вопр. языкознания. – 1980. – № 2.

8. Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII – XX веков / Н. В. Павлович. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – Т. 1 – 2.
9. Купчик, Е. В. Картина образного мира Александра Городничского / Е. В. Купчик. – Тюмень: Мандр и К³, 2006.
10. Борискина, О. О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003.
11. Юрина, Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005.
12. Мишанкина, Н. А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Мишанкина. – Томск, 2002.
13. Мифы народов мира / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – Т. 1 – 2.
14. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М.: Фаир-Пресс, 2001.
15. Афанасьев, А. Н. Сказка и миф / А. Н. Афанасьев // Афанасьев А. Н. Народ-художник. – М.: Сов. Россия, 1986.

Условные сокращения территорий распространения

Амур. – Амурская обл.: Скв. – Сковородинский р-н (Алб. – Албазино); Бурят. – Бурятия: Каб. – Кабанский р-н (Бык. – Быково), Тарб. – Тарбагатайский р-н (Б. Кун. – Большой Куналей); Г.Алт. – Горный Алтай: У.-Кан. – Усть-Канский р-н (Син. – Синагашкино); Ирк. – Иркутская обл.: Черемх. – Черемховский р-н; Кем. – Кемеровская обл.: Кем. – Кемеровский р-н (Маз. – Мазурово), Крап. – Крапивинский р-н (Бан. – Банново, Каб. – Кабаново, Сар. – Сарапки); Н-куз. – Новокузнецкий р-н (Шор. – Шорохово), Прок. – Прокопьевский р-н (Кот. – Котино), Пром. – Промышленновский р-н (Тарас. – Тарасово), Юрг. – Юргинский р-н (Ал. – Алаево, Асан. – Асаново, Зел. – Зелеево, Иск. – Искитим, Кир. – Кирово, Митр. – Митрофаново), Яшк. – Яшкинский р-н, (Итк. – Иткара, Колмог. – Колмогорово, Мох. – Мохово, Н.Тайм. – Нижняя Тайменка, Полом. – Поломошное, Солом. – Соломатово); Красн. – Красноярский кр.: Енис. – Енисейский р-н (Плод. – Плодбище); Н-сиб. – Новосибирская обл.: Маслян. – Маслянинский р-н (Бочк. – Бочкари); Том. – Томская обл.: Зыр. – Зыряновский р-н (Черд. – Чердаты), Крив. – Кривошеенский р-н (Ишт. – Иштан), Пар. – Парабельский р-н (Нов. – Новосельцево), Том. – Томский р-н (Верш. – Вершинино); Тыва – Тыва: П.-Хем. – Пий-Хемский р-н; Хаб. – Хабаровский кр.: Окт. – Октябрьский р-н (Пуз. – Пузино); Чит. – Читинская обл.: Шел. – Шелопугинский р-н (Кав. – Кавыкучи).

Информация об авторах:

Васильев Василий Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ, 8 (3842) 72-82-89, wwpetrovich@rambler.ru.

Vasilev Vasily Petrovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Slavonic Languages of KemsU.

Васильева Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ, 8 (3842) 72-82-89, eww85@yandex.ru.

Vasileva Elena Vasilievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Slavonic Languages of KemsU.